

Предисловие «Полки»

*Роман-хроника о двух священниках,
одном дьяконе, суетах провинциального
Старгорода и крушении заповедной сказки.*

*Главная книга Лескова сочетает комизм
и почти старообрядческий пафос,
а консерватизм писателя оказывается
одной из сторон его независимости.*

Лев Оборин



О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

«Соборяне» — хроника последних лет жизни двух священников и одного дьякона в городе Старгороде. Литературное сокровище русского консерватизма, «Соборяне» — книга о бесконечно милом сердцу Лескова провинциальном духовенстве, о людях ревностных, смешных, трогательных. Их рачение, искренность, готовность бороться за веру не находят в России должного места — причем не только из-за перемен в политическом сознании, к которым Лесков относился без приязни, но и из-за того, что «несть пророка в отечестве своем».

КОГДА ОНА НАПИСАНА?

В 1866–1872 годах. До итоговой версии «Соборян» было написано несколько черновых и промежуточных вариантов. В 1867-м появился первый вариант «Соборян» — «Чающие движения воды»; в 1868-м второй — «Божедомы». Все эти ранние редакции Лесков начинал публиковать, но не доводил публикацию до конца. Писатель не прекращал работу над романом, вносил в него существенные изменения. Итоговая редакция, получившая название «Соборяне», была закончена в 1872 году.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Лесков указывал, что «Соборяне» — не роман, а хроника, и для понимания книги это принципиально важно. Пи-

сатель отсылает к древнерусским летописям, которые перечисляют события, не различая центральных и периферийных явлений, и лесковская хроника ближе к жизни, чем идеально выверенная и эффектно выстроенная беллетристика: Дмитрий Святополк-Мирский даже называет «Соборян», по сравнению с другими текстами Лескова, вещью «слишком ровной, неторопливой, мирной, бедной событиями, нелесковской»¹. Согласиться с этим нельзя, но знакомый нам по другим произведениям Лескова сказ — то есть стилизация некнижной, устной речи — здесь действительно приглушен. Впрочем, стилистический блеск Лескова виден и в наивных письмах дьякона Ахиллы, и в рассказах карлика Николая Афанасьевича о причудах его старой барыни, и в дневниковых записях образованного и мудрого протопопа Туберозова. Этот дневник, из которого мы узнаем многое о жизни русского духовенства в XIX веке, в «Соборянах» занимает отдельную главу — невероятно объемную по сравнению с другими, как правило состоящими из двух-трех страниц. Перед нами масса, уравновешивающая все прочее, что мы читаем в «Соборянах»: Лескова мало заботила пропорциональность, ему нужно было не просто, по слову Достоевского, «мысль разрешить», но, скопее, поставить нужные вопросы, которые, между прочим, не позволяют навязать ему ни одну из «заранее готовых» позиций в споре об обществе и церкви 1860-х. Дальнейшее развитие лесковской прозы подтвердит его обосновленность от всей русской литературы, ощущимую в универсальном языке и замысле «Соборян».

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Журнальная карьера Лескова складывалась непросто, и история «Соборян» — лишнее тому подтверждение. В 1866 году Лесков отдал свою хронику — пока еще под названием «Чающие движения воды» и под псевдонимом М. Стебницкий — в журнал «Отечественные записки», где работал покровительствовавший ему критик Степан Дудышкин. Но после внезапной смерти Дудышкина единственным издателем журнала остался Андрей Краевский — опытный журналист с неоднозначной репутацией. Краевский начал самовольно редактировать рукопись — смягчать то, что казалось острым, сокращать то, что казалось длинным. В результате по требованию Лескова публикация была остановлена после двух номеров.

Следующая попытка состоялась в 1868-м: переработав начало романа, Лесков отдал его (под названием «Божедомы») в журнал «Литературная библиотека». На этот раз публикации помешало закрытие журнала. Предложив роман еще нескольким изданиям, опубликовав несколько отрывков из него и ввязавшись в очередной неприятный скандал и нервное судебное разбирательство (редактор журнала «Заря» обвинял писателя в том, что он вместо одной рукописи предоставил ему другую, а важный фрагмент текста напечатал в конкурирующем журнале), Лесков в конце концов остановился на «Русском вестнике» Михаила Каткова. Там роман и вышел под привычным нам названием — в четырех номерах, с апрельского по июльский. При публикации Лесков посвятил «Соборян» Алексею Констан-

тиновичу Толстому, чью поэму «Иоанн Дамаскин» протопоп Туберозов цитирует в версии «Божедомы». В 1878-м «Соборян» вышли отдельной книгой и с тех пор много раз переиздавались.

В конце XX века были отдельно опубликованы черновые и промежуточные варианты «Соборян». В 2018 году в издательстве «Пушкинский дом» вышло новое издание лесковской хроники, подробно прокомментированное Татьяной Ильинской; в нашей статье мы опираемся на это издание.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Собственные воспоминания Лескова, выходца из семьи священников. Политические новости и тревоги 1860-х — и реакция на них, в том числе создающиеся одновременно с «Соборянами» «Бесы» Достоевского. В последнем случае можно, пожалуй, говорить о взаимном влиянии: Достоевский и Лесков внимательно читали друг друга, и в «Бесах» и «Соборянах» немало параллелей — к примеру, в «Бесах» революционер-превокатор Верховенский предлагает Ставрогину роль Ивана-царевича в политическом заговоре, а в «Соборянах» провокатор Термосесов предлагает князю Борноволокову: «Будьте-ка вы Иван Царевич, а я буду ваш Серый Волк».

Есть и другие, не менее важные влияния на «Соборян». Это работы по истории и быту русского духовенства, в том числе запрещенная книга священника Иоанна Белюстина «О сельском духовенстве в России», и сочинения духовных писателей, например Иннокентия Хер-

сонского. Это политическая журнальная полемика 1860-х. Это «Житие протопопа Аввакума» — лесковский Туберозов, даром что борется с раскольниками, многим напоминает знаменитого «огненного протопопа» XVII столетия. Это Гоголь с его умением сочетать идиллию и сатиру. Наконец, это английская проза XVIII–XIX веков, от Стерна до Троллопа: «Соборян» часто сравнивают с английскими романами о священниках.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

Как и в случае с другими произведениями Лескова, на восприятии «Соборян» отрицательно сказалась «антинигилистическая» репутация писателя, к которой добавилась одиозная репутация «Русского вестника». В «Соборянах» Лесков вновь обратился к нападкам на нигилистов — влиятельный критик Николай Михайловский пишет, что для писателя «не существует предел “Некуда”^{*1}». С издевательской — в своем духе — критикой выступил Виктор Буренин, обвинивший Лескова в глупости, в пошлом «стебницизме» (по старому псевдониму Лескова — Стебницкий), в попытке трижды напечатать одну и ту же вещь и, наконец, в плагиате: по предположению Буренина, дневник Савелия Туберозова — настоящий дневник священника, который Лесков выдал за собственное сочинение.

В то же время о «Соборянах» тепло отзывались критики консервативных изданий и духовные писатели; к примеру,



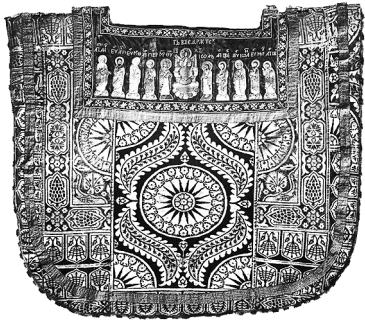
Большой запрестольный серебряный крест.

Из альбома фотографий Супрасльского Благовещенского монастыря. 1870–1880-е годы

в 1876 году появился обстоятельный разбор хроники в журнале «Православное обозрение» за авторством историка и публициста Александра Вишнякова — он хвалил Лескова за создание «живого литературного типа доброго пастыря» и отход от традиции карикатурного изображения священников в литературе. Сохранились свидетельства о том, что к Лескову лично приходили священники, чтобы рассказать, «с каким вниманием прочли мы его прекрасный роман и сообщить кое-что из своей жизни»².

В светской же печати «самым ярким хвалебным отзывом... стали рецензии в газете «Гражданин»³, которую редактиро-

^{*1} То есть дебютного романа Лескова в антинигилистическом духе, из-за которого перед писателем закрылись двери «прогрессивных» редакций.



Шелковая риза с украшениями из бархата.

Из альбома фотографий Супрасльского Благовещенского монастыря. 1870–1880-е годы
вал Достоевский. Анонимный рецензент писал, что «Соборян» — «капитальное произведение... которое можно поставить в один ряд с “Войной и миром” Толстого и “Бесами” Достоевского» — удивительно прозорливая оценка, если учесть тогдашнее замалчивание Лескова. В авторе этой заметки одно время подозревали самого Достоевского (который вряд ли стал бы так прямо расхваливать собственных «Бесов»), но затем филологи выяснили, что написал ее Владимир Мещерский (личность колоритная: близкий друг Александра III, писатель крайне консервативных взглядов, гомосексуал и большой сторонник телесных наказаний; сам Лесков называл Мещерского «литературным Агасфером» и «недоумком консерватизма»). Впрочем, высокое мнение о «Соборянах»

Достоевский, судя по всему, разделял; из писателей первого ряда хроникой Лескова восхищался также Иван Гончаров.

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

Лесков до конца дней считал «Соборян» своей лучшей книгой и говорил о них: «Может быть, единственная моя вещь, которая найдет себе место в истории нашей литературы». К материалу своей хроники он со временем начал относиться по-другому: в середине 1870-х писатель, по собственному слову, «разладил с церковностью». Несмотря на это, темы «Соборян» нашли продолжение в «Мелочах архиерейской жизни», «На краю света», «Запечатленном ангеле» и других произведениях Лескова.

Судьба «Соборян» в позднейшей критике не слишком завидная. Притом что эту книгу очень любили читатели (из нее в русскую фразеологию ушло выражение «наступить на любимую мозоль» — курьезное свидетельство того, что «Соборян» читали и цитировали), о ней, как и о Лескове вообще, мало писали вплоть до конца 1890-х. Редкие хвалебные отзывы и попытки анализа принадлежали Василию Розанову, Сергею Дурылину^{*1}, Акиму Волынскому^{*2}. В годы советской власти, когда в России «Соборяне» не пере-

^{*1} Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) — литературовед, богослов, театральный критик. С 1906 по 1917 год совершил ряд этнографических поездок по Русскому Северу, после которых сформулировал тезис о граде Китеже как основании русской духовной культуры. Был секретарем Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева. После революции переехал в Сергиев Посад и был рукоположен в священники. В 1922-м Дурылина арестовали и отправили в ссылку в Челябинск. После возвращения работал театральным критиком, преподавал в ГИТИСе.

^{*2} Аким Львович Волынский (1861–1926) — литературный критик, искусствовед. С 1889 года работал в журнале «Северный вестник», с 1891-го по 1898-й был главным редактором издания.



Фотография Уильяма Каррика.
Из серии «Русское духовенство». Конец XIX века

издаются, о них помнят в эмиграции — к примеру, Марина Цветаева в письме Юрию Иваску сообщает: «Из русских книг больше всего люблю Семейную хронику и Соборян». В 1928 году, выступая на вечере памяти Михаила Арцыбашева, «Соборян» долго и подробно вспоминает Дмитрий Философов^{*1}. Он (сегодня это звучит

несколько неожиданно) сравнивает автора «Санина»^{*2} с протопопом Савелием: «Михаил Петрович не был иереем, служителем алтаря. <...> Но... те люди, которые знали и любили его, хотя бы заочно, несомненно чувствовали в нем какое-то избранничество, несомненно утверждали на нем какой-то высокий «сан».

В 1896 году опубликовал книгу «Русские критики». Писал мемуарные очерки о Гиппиус, Михайловском, Сологубе, Чуковском. После революции заведовал итальянским отделом в издательстве «Всемирная литература» и петроградским отделением Союза писателей.

*1 Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — публицист, литературный критик. Служил в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге, заведовал литературным отделом журнала «Мир искусства», выпускавшегося Дягileвым, двоюродным братом и любовником Философова. После разрыва с Дягileвым сблизился с Мережковским и Гиппиус, заключив с ними своеобразный мистический брак. Участвовал с ними в Религиозно-философских собраниях, работал в журнале «Новый путь». Вместе с семейной парой уехал жить в Париж. В 1908 году вернулся в Россию, после революции опять уехал и присоединился к антикоммунистическому сопротивлению, был соратником эсера Савинкова, жил в Польше.

*2 «Санин» Арцыбашева был одним из самых скандальных романов своего времени: Арцыбашев включил в него весьма смелые эротические сцены, а уста своего героя вложил проповедь ницшеанского гедонизма.

Советские издания «Соборян» выходят только в 1950–1960-е; в это время хроника попадает наконец в активный оборот лесковедов — особенно много пишет о ней критик Лев Аннинский, опять же сопоставляющий замысел «Соборян» с «Войной и миром» и «Братьями Карамазовыми»: «национальная художественная вселенная, русский духовный космос»⁴.

В наше время «Соборяне» — один из самых изучаемых лесковских текстов. В 1992 году спектакль по книге был поставлен в Театре Вахтангова (постановка — Роман Виктюк, автор инсценировки — Нина Садур, в роли протопопа Туберозова — Михаил Ульянов). Об экranизации «Соборян» мечтал Алексей Балабанов, но сам же признавал: «Лесков — гениальный автор. И экранизация наверняка получится хуже оригинала. Так что, думаю, пытаться не стоит». В целом на месте постановок и экранизаций, которые приличествовали бы произведению такого уровня, — ощущимое зияние, и это говорит о том, что «Соборяне» по-прежнему не прочитаны как следует.

ПОЧЕМУ ЛЕСКОВ ТАК ЛЮБИЛ ПИСАТЬ О СВЯЩЕННИКАХ?

Священство было мило сердцу Лескова в первую очередь по родственным причинам. Лесков происходил из духовенства: священником как минимум в четвертом поколении был его дед Димитрий. Писатель признавался, что «в лице... Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле

был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру». Воспоминания дочери Дмитрия Лескова, тетки писателя Прасковьи, и собственный детский опыт Лескова — «жизнь вблизи монастырской слободки, семейные рассказы о семинарском быте, орловские праведники и «разноверы»^{*1}, богомолья в тихих провинциальных обителях»⁵ — послужили материалом для «Соборян».

К описанию жизни духовенства Лесков приступает еще в «Овцебыке» (1862) — большом рассказе о несчастном монастырском послушнике, одном из ранних своих «праведников», который не находит места в равнодушном к нему мире и кончает с собой. «Соборяне» — гораздо более масштабное произведение, и здесь показано, каким разным бывает русское духовенство. Лесков, конечно, идеализирует своего главного героя-священника. С первых же глав ясно, что Савелий Туберозов — личность исключительная; говорится даже, что его голову можно назвать «образцом мужественной красоты». Священство в глазах Лескова противопоставлено священноначалию: пережив очередной донос, Туберозов позволяет себе редкие «суетные мысли» о том, что он мог выбрать иной путь — пойти в академию, стать «с летами архимандритом, архиереем; ездил бы в карете, сам бы командовал, а не мною бы помыкали».

Но именно священнический крест для Лескова важен и весом. В 1879 году, уже чувствуя «разлад» с духовенством, с которым он состоял в таком тесном общении, писатель выпустил книгу «Мелочи архиерейской жизни» — замечательное собра-

*¹ Лесков имеет в виду христиан, не принадлежащих официальной православной церкви.

ние анекдотов о реальных архиереях, названных здесь по именам. Выдержанная в тоне доброй иронии, книга при этом полна критики той самой закоснелости, из-за которой (если воспользоваться уваровской триадой) православие утрачивает симфонию с народностью. На Лескова вновь обрушивается критика, но на сей раз не либеральная, а консервативная. После долгих баталий книгу запретят — до 1905 года; Лескова к тому времени уже не будет на свете.

Вернемся к «Соборянам». Лесков прямо говорил о нравоучительной силе своей хроники: такие герои, как Савелий Туберозов, карлик Николай Афанасьевич, протопопица Наталья, должны были пробуждать в читателе добрые чувства — и писатель жалел, что многие выделяют в первую очередь дьякона Ахиллу, «более забавного, чем возвышенного». Вероятно, Лескову хотелось способствовать своим произведением улучшению

Церкви — в 1871 году он писал в частном письме: «Я не враг церкви, а ее друг; или более; я покорный и преданный ее сын и увереный православный — я не хочу ее опорочить; я ей желаю честного прогресса от коснения, в которое она впала, задавленная государственностью...» Такая риторика была близка многим православным и в более поздний период — и в советское, и в постсоветское время.

Вполне понятно, что произведение о Церкви, написанное глубоко заинтересованным в этой теме писателем, пронизано библейскими аллюзиями: опьяневший Ахилл испытывает желание стать Каином, Старгородский собор стоит на Нагорной стороне (ср. «Нагорная проповедь» — к этому ключевому месту Евангелия исследователи возводят систему персонажей «Соборян», в которых есть свои низшие духом и свои чистые сердцем, свои алчущие и свои изгнанные правды ради⁶. Даже подлец Термосесов, диктуя Борново-



Мценск. Начало XX века. Один из возможных прообразов Старгорода

лкову донос, говорит: «...я как Пилат: еже писах — писах». Ближе к финалу хроники библеизмов в речи героев становится все больше, и они лишаются всякого иронического привкуса. Цитата из Книги пророка Захарии, которую дьякон Ахилла произносит над гробом Савелия, — «И воззрят Нань Егоже прободоша», то есть «И они воззрят на Него, Которого пронзили», — звучит грозным ветхозаветным укором миру, который не сумел распознать праведника и расправился со своей «старой сказкой».

ЧТО МОЖНО УЗНАТЬ ИЗ «СОБОРЯН» О ЖИЗНИ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА?

Основное действие «Соборян» происходит в середине 1860-х, но из дневника («Демикотоновой книги») протопопа Савелия мы узнаем о его жизни — и, соответственно, о жизни и заботах русского духовенства — предыдущих тридцати пяти лет: Туберозов был рукоположен в священники в 1831 году. За это время из молодого батюшки, мечтающего о духовном обновлении своей паствы, он превращается в умудренного жизнью настоятеля. В 1837-м он произносит искреннюю проповедь, за которую его подвергают консисторскому взысканию^{*1}, и после этого решает больше не проповедовать. У духовного начальства свои интересы: священник — инструмент

церковной политики, и конкретно Туберозову предписано бороться с раскольниками (то есть со старообрядцами). При этом, когда он просит дозволения «иметь на Пасхе словопрение с раскольниками», ему в этом отказывают, очевидно опасаясь, «как бы чего не вышло». Церковная бюрократия требовала от священников отчитываться за «обращенных» и «возвращенных» в лоно Церкви, но средства для этого священники должны были изыскивать сами. Иногда вмешивалось государство: в 1836 году Туберозов пишет о разрушении по приказу городничего староверческой часовни («Зрелище было страшное, непристойное и поистине возмутительное») и о том, как староверы собирались на ее руинах для молитвы.

Церковная бюрократия регулярно по-просту вымогала у священников деньги — в своем дневнике Туберозов гневно пишет о коррупции, к которой его склоняют: «...всего что противнее, это сей презренный, наглый и бесстыжий тон консисторский, с которым говорится: «А не хочешь ли, поп, в консисторию съездить подоиться?» Нет, друже, не хочу, не хочу; поищите себе кормилицу подебелее». Доносить о проступках священника церковному начальству могут даже его собственные причетники^{*2}, а начальство светское, в свою очередь, относится к священникам без должного почтения.

Из описания семинарского прошлого дьякона Ахиллы, выгнанного за «велико-

*¹ Консистория — орган управления Русской православной церкви. Учреждался в каждой епархии и подчинялся епархиальным архиерейм. Духовная консистория рассматривала дела о богохульстве, незаконных браках, разводах, похищении церковного имущества и др. В случае апелляционных жалоб дела передавались в Синод.

*² Причетник — церковнослужитель. Общее название для всех клириков (дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей), за исключением священника и диакона.

возрастие^{*1} и малоуспешие», можно узнать кое-какие подробности о духовных училищах в России, где были распространены пьянство, кулачные бои и воровство из бедности. Несмотря на все умиление духовенством, Лесков не питал иллюзий о том, как обучали священников. В «Соборянах» сочувственно упоминается книга священника Иоанна Белюстина^{*2} «Описание сельского духовенства», где духовные училища изображены «в весьма непривлекательных тонах»⁷. Читал Лесков и «Очерки бурсы» Николая Помяловского^{*3} — наделавшее шуму обличение безнравственного и жестокого воспитания, которое предлагалось священническим детям под видом духовного образования. Туберозов, описывая свою неловкость при знакомстве с будущей покровительницей — помещицей Плодомасовой, пишет в дневнике: «В чем эта сила ее заключается? Полагаю, в образовании светском, которым небрегут наши воспитатели духовные».

Много в «Соборянах» сказано и о бедности, в которой жили провинциальные

священники, церковнослужители и семинаристы. Савелию Туберозову не на что купить себе новую рясу. В дневнике он пересказывает анекдот о студенте духовной академии, который впоследствии сделался знаменитым проповедником:

Сей будто бы еще в мирском звании на вопрос владыки, имеет ли он какое состояние, ответствовал:

- Имею, ваше преосвященство.
- А движимое или недвижимое? —
вопросил сей, на что оный ответствовал:
 - И движимое и недвижимое.
 - Что же такое у тебя есть движимое? — вновь вопросил его владыка, видя заметную мизерность его костюма.
 - А движимое у меня дом в селе, —
ответствовал вопрошаемый.
 - Как так, дом движимое? Рассуди,
сколь глуп ответ твой.

А тот, нимало сим не смущаясь, прошел, что ответ его правилен, ибо дом его такого свойства, что коль скоро на него ветер подует, то он весь и движется.

*1 Для поступления в первый класс семинарии был установлен возраст от 14 до 18 лет. Учащиеся первых трех классов, показавшие слабые результаты, оставлялись в том же классе на второй год, поэтому разница в возрасте между одноклассниками иногда могла быть довольно внушительной.

*2 Иоанн Стефанович Белюстин (1819–1890) — священник, писатель. Большую часть жизни служил священником Николаевского собора в городе Калязине Тверской губернии. Писал статьи для журналов и газет: «Вестника Европы», «Русского вестника», «Московских ведомостей», «Церковно-общественного вестника». В 1850-е сблизился с историком Михаилом Погодиным, публиковался в его «Москвитянине». В 1858 году одним из друзей Погодина в Европе была издана книга Белюстина «Описание сельского духовенства», без согласия автора и без его подписи. Книга, где рассказывалось об униженном положении сельского духовенства, стала скандально известной в России. В 1879 году из-за статьи о раскольниках Белюстин чуть не лишили сана священника. В последние годы жизни он почти прекратил выступления в печати.

*3 Николай Герасимович Помяловский (1835–1863) — писатель. После окончания учебы в Александро-Невском духовном училище написал ряд статей и очерков по теме воспитания, работал в воскресной школе. В 1861 году опубликовал в «Современнике» несколько художественных произведений, в 1862–1863 годах в «Современнике» и журнале «Время» печатались «Очерки бурсы» — книга на основе личного опыта Помяловского в духовном училище. Писатель злоупотреблял алкоголем, скончался от нарыва на ноге, возникшего после припадка белой горячки.



Преподаватели и учащиеся Вятской духовной семинарии. Конец XIX — начало XX века

Владыке ответ сей показался столь своеобразным, что он этого студиозуса за дурня уже не хотел почитать, а напротив, интересуя им, еще вопросил:

— Что же ты своею недвижимостью нарицаешь?

— А недвижимость моя, — отвечал студент, — матушка моя дьячиха да наша коровка бурая, кои обе ног не двигали, когда отбывал из дома, одна от старости, другая же от бескорыщи.

Польский филолог Марта Лукашевич называет ситуацию, показанную в «Соборянах», несоответствием церковной действительности церковному идеалу (за который, конечно, радеет отец Савелий)⁸. Это несоответствие мучительно переживал сам Лесков, и оно толкнуло его на написание таких текстов, как «Мелочи

архиерейской жизни» и «На краю света», где критика церковных порядков еще явственней, чем в «Соборянах».

ПОЧЕМУ ПРОТОПОП САВЕЛИЙ ВСЕ ВРЕМЯ С КЕМ-ТО БОРЕТСЯ?

Несмотря на все невзгоды и опалу со стороны властей предержащих, священник остается для простых мирян авторитетом и заступником: доброго Савелия называют «поп велий», прося обходить дома прихожан и молиться о ниспослании дождя. Сам он по неуемности характера постоянно ввязывается в борьбу за веру — и терпит одно поражение за другим. Заканчивается ничем его попытка основать в губернии общества

трезвости^{*1}, а противостояние учителю-нигилиstu Препотенскому власти не принимают всерьез. В то самое время, как вокруг Туберозова затягивается «длинная петля» чужих интриг, протопоп попадает в страшную грозу, которая чуть не губит его. Спасвшись, он принимает это за знамение — и возвращается в город, чтобы отслужить торжественную литургию и уязвить сердца «торгующих во храме». Последнюю проповедь Туберозова народ — «чернь» — принимает с восторгом, а «старгородская интеллигенция», разумеется, в штыки. За протопопом по доносу провокатора Термосесова «выезжают» — увозят под конвоем давать объяснения в губернский город. За дерзкие ответы его в конце концов запрещают в служении, и вскоре он умирает.

После смерти протопопу удается победить своих врагов: к похоронам поспевает новость о том, что запрещение с него снято, и Туберозова хоронят в полном облачении. Мелкие бесы романа продолжают пакостить ему: комиссар^{*2} Данилка пытается осквернить громадный надгробный памятник, который на собственные средства, продав все свое имущество, установил дьякон Ахилла. Но памяти о протопопе это никак не вредит — наоборот, будто сообщает ей дополнительную агиографическую ценность.

Биография Савелия и впрямь превращается в житие, у которого есть очевид-

ный претекст. В «Божедомах», ранней редакции «Соборян», во время грозы перед Туберозовым предстает протопоп Аввакум, чье житие отец Савелий внимательно и сочувственно читает, и произносит: «Встань и смотри! Встань и смотри» (как в пушкинском «Пророке»: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли»). Хотя Савелий должен бороться со старообрядцами, по большому счету он заодно с Аввакумом «за старую Русь». Из итоговой версии мистическая встреча с Аввакумом исчезает, но, попав в опалу, Туберозов прямо говорит жене: «...жизнь уже кончена; теперь начинается “житие”».

Борьба Савелия с раскольниками, поляками, нигилистами живо напоминает еще об одной книге, косвенно упоминаемой в «Соборянах», — «Дон Кихоте» Сервантеса. Протопоп донкихотствует, сражается с ветряными мельницами, закономерно проигрывает — и обретает литературное бессмертие. Не сворачивающий со своего пути, несмотря на препороги, Туберозов — один из тех праведников, которые всегда восхищали Лескова, в каком-то смысле идеальный лесковский герой: находясь на своем месте, он делает то, к чему призван. По формулировке из другого лесковского романа, «Захудалый род», он, «имея высокий идеал, ничего не уступает условиям времени и необходимости».

*1 Первые общества трезвости начали возникать в конце 1850-х годов при приходских храмах. Общества под руководством епархиальных архиереев занимались утверждением здорового образа жизни и духовным просвещением населения. В 1859 году Святейший синод поддержал священнослужителей указом: «...живым примером собственной жизни и частым проповедованием в Церкви Божией о пользе воздержания содействовать возникшей в некоторых городских и сельских сословиях решимости воздерживаться от употребления вина...»

*2 В романе «Божедомы» на вопрос, почему Данилку называют комиссаром, Омнопотенский (будущий Препотенский) отвечает: «А кто его знает почему. Так его все зовут: он по комиссии городничего у его тестя лошадь для смеху ходил красть, да его так крапивой высекли».

Хотя, конечно, возможно и другое суждение о протопопе Туберозове. Благопристойное и полное здравого смысла. Подобно тому, как Дон Кихота объявляли сумасшедшим, один из героев «Соборян» в лицо называет протопопа маньяком.

Кстати, это одно из первых употреблений слова «маньяк» в русской литературе: за несколько лет до Лескова его употреблял Герцен, перед которым Лесков когда-то преклонялся, а одновременно с Лесковым — Достоевский в «Бесах».

ПОЧЕМУ У ГЕРОЕВ ТАКИЕ НЕОБЫЧНЫЕ ФАМИЛИИ И ЧТО ОНИ ЗНАЧАТ?

Говорящие имена — частый прием у Лескова. Имя главного героя «Соборян» Савелия Туберозова — сочетание «Савла» (не первого имени апостола Павла, а святого мученика Савла Персиянина⁹ — страдания ждут и его лесковского тезку) и типичной семинарской фамилии: в духовных училищах вновь прибывшим часто нарешили новые фамилии в честь церковных праздников, «высоких свойств духа», символически значимых для христианства цветов и плодов и т. д. Подробностей о таком наречении полны бурсацкие воспоминания. Ночной цветок тубероза, как считает комментатор «Соборян» Татьяна Ильинская, может указывать на «ночные бдения Туберозова над его дневником», сам выбор цветка — на его «способность отзываться на красоту»¹⁰. Имя Захарии Бенефактова — тоже «говорящее»: исследовательница лесковской ономастики Виктория Вязовская

связывает его с Захарией из Нового Завета (этот святой, отец Иоанна Крестителя, не поверил, что у его престарелой жены Анны родится сын, за что Бог временно наказал его немотой; «заикается перед старшими» и лесковский Захария)¹¹. Семинарская же фамилия Бенефактов означает «делающий добро». Наконец, и имя, и фамилия дьякона-богатыря Ахиллы Десницына связаны с мотивом силы: этот герой, хоть и назван в честь преподобного Ахиллы Печерского, гораздо больше похож на древнегреческого Ахилла.

Имена и фамилии других героев также значимы: к семинарскому образованию и пародийно понятому могуществу отсылает имя учителя Варнавы Препотенского; явно комичным — по несоответствию персонажу — выглядит имя исправника^{*1} Воина Порохонцева; по наблюдению исследовательницы Ольги Красниковой, имя и отчество Марфы Андреевны Плодомасовой подчеркивает ее характер (Марфа — «хозяйка», «госпожа», Андрей — «мужественный»)¹². Даже в имени исправничего слуги Комаря исследователи усматривают отсылку к диалектному обозначению муравья¹³ — таким образом Лесков подчеркивает трудолюбие этого персонажа.

А вот фамилии двух главных отрицательных героев «Соборян» — князя Борноволокова и его секретаря Измаила Термосесова — трактуются не так однозначно. Обе фамилии, как пишет Ильинская, не выдуманы Лесковым, «хотя и исключительно редки»¹⁴. Фамилия первого происходит от слова «борноволок», то есть юноша, «правящий лошадью в бороньбе», или растение пырей, «коего долгие коре-

*1 Глава полиции в уезде.

нья вязнут в борозде» (из словаря Даля); второе толкование, пожалуй, вернее, поскольку появление князя оказывается роковым событием для старгородского духовенства. А Термосесов — русифицированная армянская фамилия Тер-Мовсесян. У Термосесова действительно «будто армянский нос», а вдобавок армянские фамилии с приставкой «Тер-» были священническими. Это немаловажный штрих: как и многие нигилисты-революционеры, Термосесов происходит из духовенства (что подтверждается, когда он произносит классическую семинарскую угрозу: «Я тебе, бездельнику, тогда всю рожу растворожу, щеку на щеку помножу, нос вычту и зубы в дроби превращу!»). Двойственность духовенства, которое само возвращивает в себе своих врагов, — важная тема для Лескова.

ПОЧЕМУ ЛЕСКОВ СДЕЛАЛ СВОИХ СОБОРЯН ТАКИМИ РАЗНЫМИ?

Тройственность в системе персонажей — черта не только «Соборян»: по наблюдению Льва Аннинского, той же схемой Лесков пользуется в рассказе «На краю света»¹⁵. Разумеется, такая тройственность — отсылка к фольклору, к сакральному значению числа 3, столь важному для «старой сказки», с которой Лесков сопоставляет еще не погибший мир старгородского духовенства. Важна не только тройственность, но и то, что три главных персонажа — Савелий Туберозов, Ахилла Десницын и несколько теряющийся на их фоне Захария Бенефактов — воплощают совершенно разные качества, которыми богато русскоечество. Причем речь не только о достоин-

ствах, но и о недостатках. Савелий мудр, готов страдать и яро бороться за веру — но в своей борьбе горделив; Ахилла простодушен и истово верует, но ни в чем не знает меры и удержу; Захария добр и кроток — но почти что бесхарактерен.

Разность характеров лесковских героев подчеркивается разностью их жилищ: дом отца Туберозова — маленький, красивый, чистый, крепкий и украшенный резьбой, дом отца Бенефактова — большой и не слишком опрятный из-за того, что в нем множество детей (Бенефактов многочаден, Туберозов бездетен); дом Ахиллы — «мазаная малороссийская хата» с аскетическим убранством (Ахилла происходит из малороссийских казаков). Работает на ощущение разности и разнообразия этих характеров и речевая характеристика — торжественная и патетическая речь Туберозова противопоставлена народной, часто панибратской и уж совсем не книжной речи Ахиллы.

Вообще описания Ахиллы (насчет которого Лесков справедливо опасался, что он перетягивает на себя читательское внимание) заставляют вспомнить еще один фольклорный жанр — былину. Ахиллу, обладающую недюжинной силой, Лесков часто называет богатырем, и, если сравнивать его с былинными богатырями, лучше всего подойдет Алеша Попович — младший из всех богатырей, часто неразумный и склонный к горячности. Ахилла может, например, принять участие в сельском балагане, ввязаться в кровопролитие из-за ягод калины, отомстить духовному цензору, «привязав его коту на спину колбасу с надписанием: «Сию колбасу я хозяину несу» и пустив кота бегать с этой ношкою по монастырю». Ахилла способен, исчер-



Сильный богатырь Алеша Попович.
Гравюра на дереве. XVIII век

пав аргументы, посадить оппонента на высокий шкаф и даже начать утверждать (себя блазнившись беседами с петербургскими «литератами»), что Бога нет, — и все это совершенно искренне. Прозвище Попович вдобавок указывает на происхождение из духовенства. Впрочем, как раз Алеша Попович не отличается физической силой — это качество у Ахиллы от кого-то из других русских богатырей. Кстати, с витязем, «ратаем веры», в знаменитой сцене грозы сопоставляет себя и Туберозов¹⁶.

ГДЕ НАХОДИТСЯ ГОРОД СТАРГОРОД?

Само название «Старгород» (он же Старогород и Старый Город — в тексте есть вариации) уже говорит о лесковской

установке на консерватизм, на «особую поэзию старины и старинного патриархального уклада»¹⁷. В первом варианте «Соборян» — «Чающие движения воды» — есть подробное описание Старгорода с «узкими улицами, типической русской постройки домами» и указано, что со стороны город похож на «волшебный городок Гвидона» из пушкинской «Сказки о царе Салтане». Из более поздних редакций это описание пропало. Как замечают комментаторы Лескова, идеализированный Старгород — один из часто встречающихся в русской литературе «сборных городов» (по слову Гоголя). У него нет отчетливого прообраза, хотя некоторые черты роднят его с Орлом, в котором Лесков жил, и Мценском, в котором он бывал (вспомним гораздо более мрачную «Леди Макбет Мценского уезда»). В «Соборянах» сказано, что Старгород стоит на реке Турице. В России есть две реки с таким названием, но ни одна из них не протекала через Орловскую губернию.

Спустя больше чем полвека название Старгород у Лескова позаимствуют для «Двенадцати стульев» Ильф и Петров. В их Старгороде будет царить уже не идиллическое благолепие, а провинциальная суэта.

ПОЧЕМУ «СОБОРЯН» ЧАСТО СРАВНИВАЮТ С АНГЛИЙСКИМИ РОМАНАМИ О СВЯЩЕННИКАХ?

Это сравнение напрашивается прежде всего потому, что в классической английской литературе священник — это образ разработанный и традиционно вызываю-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru